

ПЕПЕЛ
Сирени
НАД БОСФОРОМ

Тамара М

18+

Тамара М

Пепел Сирени над Босфором

«Автор»

2026

М Т.

Пепел Сирени над Босфором / Т. М — «Автор», 2026

Это роман о том, как пепел разрушенных надежд смешивается с запахом сирени — цветка, который цветёт даже на руинах. О том, как женщины, лишённые всего, находят в себе силы бороться. О том, как любовь — к дочери, к сестре, к мужчине, который появляется в самый тёмный час, — становится единственным светом в кромешной тьме. Двадцать лет Хатидже вдыхала аромат жасмина в саду своего стамбульского особняка и верила, что счастье — это когда твоя дочь смеётся за столом, а муж целует тебя в висок перед сном. Двадцать лет она не знала, что её жизнь — хрустальный дворец, построенный на пепле чужой судьбы. А потом пришла ночь. Смуглая девочка с глазами цвета горького шоколада явилась ей во сне — босая, дрожащая, с протянутыми руками. «Мама, — прошептала она, и голос её звал в прошлое... Роман, который заставит вас плакать, верить и любить.

© М Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	8
Глава 4	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Тамара М

Пепел Сирени над Босфором

Глава 1

Хатидже проснулась от того, что сердце колотилось где-то в горле, перекрывая дыхание. Ночь в Стамбуле была душной, несмотря на открытые окна, выходящие в сад. В спальне пахло лавандой и старым деревом, но этот привычный запах родного дома сейчас казался чужим.

Во сне она видела девочку.

Смуглая кожа, черные, как смоль, волосы, рассыпавшиеся по худым плечам. Девочка стояла в тумане, сотканном из слез и морской пыли, и протягивала к Хатидже руки. Её глаза были полны такой тоски, что, казалось, они впитали в себя всю печаль этого мира.

— Мама... — прошептала она, и голос её звучал, как звон разбитого хрусталя. — Мама, помоги мне. Мне так холодно.

Хатидже хотела броситься к ней, обнять, согреть, но ноги её приросли к земле. Она смотрела на девочку и понимала: это не Гюльфем. Черты лица были другими, но в них угадывалось что-то до боли знакомое, родное, словно отражение в мутном зеркале.

— Кто ты? — прошептала Хатидже, чувствуя, как холодный пот стекает по спине.

Девочка улыбнулась, и улыбка эта была печальнее слез.

— Я — это ты. И я — это она. Найди меня, мама.

Хатидже вскочила на кровати, судорожно хватая ртом воздух. Рядом, отвернувшись к стене, спал Хасан. Его дыхание было ровным и безмятежным, словно в этом мире не существовало никаких тайн и кошмаров.

Она провела рукой по лицу. Пальцы дрожали.

— Господи, — прошептала она, глядя на спящего мужа. — Что это значит?

За окном начинал заниматься рассвет. Муллы уже пели свою песню, призывая верующих к молитве. Город просыпался, но в душе Хатидже было темно и холодно.

Она подошла к зеркалу. Оттуда на неё смотрела женщина сорока пяти лет — уставшая, но всё ещё красивая той спокойной, глубокой красотой, которая приходит с годами. Темные круги под глазами, тонкие морщинки у губ. Она коснулась пальцами стекла, словно пытаясь дотронуться до той девочки из сна.

— Найди меня, — эхом отозвался голос в голове.

Хатидже вздрогнула и отвернулась.

Утро началось как обычно. Хатидже спустилась вниз, где уже хлопотала прислуга. На столе дымился чай, лежали свежие лепешки, пахло сыром и медом.

— Доброе утро, госпожа, — поклонилась Фатма, старая служанка, которая знала Хатидже ещё девушкой.

— Доброе, — кивнула Хатидже, но голос её звучал глухо.

Хасан уже сидел за столом, читая газету. Это был крупный мужчина с седеющими висками и тяжелым взглядом. Владелец текстильной фабрики, уважаемый человек в Бейоглу. Он поднял глаза на жену и кивнул:

— Ты плохо выглядишь.

— Плохо спала, — ответила Хатидже, садясь напротив.

— Опять эти твои сны? — усмехнулся он, не отрываясь от газеты. — Может, тебе к врачу?

Хатидже промолчала. Она смотрела на мужа и думала: знает ли он? Чувствует ли? Или этот сон — всего лишь игра воображения, вызванная усталостью и возрастом?

Через несколько минут в столовую вошла Гюльфем. Двадцать лет — возраст, когда девушка расцветает, как весенний тюльпан. Она была хороша собой: светлые волосы, зеленые глаза, тонкие черты лица. Но было в ней что-то чужое, что Хатидже замечала всё чаще в последнее время. Словно девочка была из другой семьи, из другого мира.

— Доброе утро, мама, папа, — улыбнулась Гюльфем, садясь за стол.

Хасан оторвался от газеты и посмотрел на дочь с гордостью.

— Как спалось, моя красавица?

— Отлично, папа. Сегодня важный день в институте. Защита проекта.

— Ты у меня умница, — Хасан погладил её по руке. — Водитель отвезет тебя.

Хатидже смотрела на эту сцену и чувствовала, как что-то сжимается внутри. Она любила Гюльфем. Любила всей душой, всем сердцем. Но теперь, после этого сна, что-то изменилось. Словно в картине её жизни появилась трещина, и через эту трещину сочился холодный свет чужой правды.

Она вспомнила события 20 летней давности...

Вода отошла в три часа ночи. Хатидже тужилась уже двенадцать часов. Лампы операционной резали глаза, запах карболки смешивался с металлическим привкусом крови во рту. Она была на пределе.

— Тужься, хатун! — кричала пожилая акушерка, упираясь коленом ей в живот. — Ребенок идет плечом! Если сейчас не вытолкнешь, потеряем обоих!

Хатидже собрала последние остатки сил и закричала. Мир взорвался белой вспышкой боли. Последнее, что она почувствовала — как чьи-то руки жестко крутят ее ноги, и оглушительный, обиженный визг младенца.

Тишина.

Она вынырнула из темноты от запаха эфира и звона инструментов. Голова гудела свинцом. Рядом, за прозрачной пластиковой стенкой люльки, лежал туго спеленутый кулек.

Медсестра, молодая девушка с синяками под глазами после тяжелой смены, устало улыбнулась:

— Поздравляю, госпожа. Девочка. Здоровая, хоть и пришлось повозиться. Три двести сорок.

Хатидже протянула дрожащую руку к дочери. Ей нужно было почувствовать тепло, убедиться, что этот кошмар закончился. Пальцы коснулись прохладного пластика. Она заглянула внутрь. Девочка, совершенно не похожая на неё, не на мужа светлые волосы зелёные глаза... Ну Хатидже успокаивала себя что дети не всегда похожи на своих родителей. Все эти годы она любила Гюльфем, свою розу, свою дочь...

Глава 2

Хасан вышел из особняка, поправляя пиджак. День обещал быть жарким. Мерседес уже ждал у ворот, сверкая на солнце черным лаком. Гюльфем шла рядом с отцом, что-то весело рассказывая.

У калитки их встретила соседка — госпожа Нур, женщина лет шестидесяти, с острым языком и цепким взглядом.

— Доброе утро, Хасан-бей, — улыбнулась она, но улыбка её была какой-то странной. — Гюльфем, деточка, как ты выросла! Настоящая красавица.

— Спасибо, тетя Нур, — смущенно ответила девушка.

Хасан кивнул и хотел уже пройти, но соседка продолжила:

— Да... Красавица. Только вот не похожа ни на тебя, Хасан-бей, ни на Хатидже-ханым. Совсем не похожа. Как роза в саду крапивы.

Хасан замер. Слова эти прозвучали как удар хлыста.

— Что вы имеете в виду? — спросил он, стараясь сохранять спокойствие.

— Ничего, ничего, — замахала руками Нур. — Просто говорю, что дети иногда не в родителей идут. В бабушек, в дедушек... Или вообще не в родню.

Она рассмеялась, но смех её был сухим и колючим.

Хасан посадил Гюльфем в машину, кивнул водителю, и мерседес тронулся. А сам остался стоять у ворот, глядя вслед удаляющейся машине.

«Не похожа... не похожа... не похожа...»

Слова эти застряли в голове, как заноза. Он вспомнил, как много лет назад, когда Гюльфем была ещё маленькой, кто-то из родственников тоже обмолвился: «Странно, что у таких темноглазых родителей такая светлая дочь». Тогда он не придал этому значения. Мало ли, гены. Но теперь...

Он долго стоял и посмотрел на небо. Оно было ясным и синим, но в душе Хасана собирались тучи.

Хатидже провела день как в тумане. Она занималась домашними делами, встречалась с портнихой, обсуждала меню на ужин, но всё это казалось ей неважным, ненастоящим. Мысли её возвращались к тому сну, к той девочке с печальными глазами.

«Найди меня, мама».

Что это могло значить? Почему этот сон был таким реальным, таким... пророческим?

Вечером, когда Хасан вернулся домой, он был задумчив и мрачен. За ужином он почти не разговаривал, лишь изредка бросал взгляды на Гюльфем. Девушка не замечала этого — она была занята рассказами о своих успехах в институте.

— Папа, а можно я поеду на выходные к тете Мераль? — спросила она.

— Что? — Хасан словно очнулся. — Да, конечно, поезжай.

Хатидже заметила странность в поведении мужа, но не придала этому значения. Она была погружена в свои мысли.

Ночью, когда все уснули, Хатидже снова увидела сон.

Та же девочка. Тот же туман. Но теперь она была ближе, и Хатидже могла разглядеть её лицо. Оно было бледным, осунувшимся, словно девочка была больна.

— Мама, — прошептала она. — Я умираю. Спаси меня.

Хатидже протянула руки, и на этот раз смогла коснуться девочки. Её кожа была холодной, как мрамор. А потом девочка исчезла, и Хатидже осталась одна в пустоте, среди тишины и тьмы.

Она проснулась с криком.

Глава 3

Хасан проснулся от того, что рядом с ним кто-то бился в невидимой борьбе.

Хатидже металась по подушкам, её руки сжимали одеяло так, словно она держалась за край обрыва. Губы шевелились, произнося слова, которых он не мог разобрать. Дыхание было рваным, как у загнанного зверя.

— Хатидже, — позвал он, приподнимаясь на локте. — Хатидже, проснись.

Она не слышала. Голова её металась из стороны в сторону, лоб покрылся испариной, а по щеке скатилась слеза — одинокая, блестящая в свете уличного фонаря.

— Нет... — прошептала она во сне. — Нет, не уходи... Я здесь... Я найду тебя...

Хасан нахмурился. Он знал жену двадцать лет и знал её сны — спокойные, тихие, почти безмолвные. Но это... это было другое. Что-то рвалось из неё наружу, что-то тёмное и тяжелое, как утопленник, всплывающий со дна.

— Хатидже! — он потряс её за плечо, уже громче.

Она вскрикнула — резко, пронзительно, так, что у него самого застучало в висках. Глаза её распахнулись, но взгляд был пустым, словно она ещё не вернулась из того мира, куда увел её сон. Грудь вздымалась, руки дрожали.

— Ты здесь, — сказал Хасан, садясь рядом. — Ты дома. Всё хорошо.

Она медленно повернула к нему лицо. В глазах — страх. Настоящий, животный, тот, который не приходит из внешнего мира, а рождается где-то в глубине души.

— Хасан... — прошептала она, и голос её сорвался. — Я видела... я видела девочку.

— Какую девочку? — он нахмурился, но в голосе его было не раздражение, а тревога. — Опять эти глупости? Ты вся мокрая. Дай, вытру.

Он потянулся к тумбочке, взял платок и осторожно провёл по её лбу. Хатидже вздрогнула от прикосновения, но не отстранилась.

— Она плакала, — продолжала она, словно не слыша его. — Смуглая, черноволосая. Совсем на меня не похожа, но... но в ней было что-то моё. Она называла меня мамой. Просила о помощи.

— Это просто сон, — сказал Хасан, но рука его на мгновение замерла. — Ты устала. Ты весь день готовила этот приём, вот и всё. Нервы.

— Нет, — покачала головой Хатидже. — Это был не просто сон. Она была... настоящей. Я чувствовала её кожу. Холодную, как мрамор.

Хасан молчал. Он смотрел на жену — на её бледное лицо, на тёмные круги под глазами, на руки, которые всё ещё дрожали, — и в груди его что-то сжималось. Он не верил в сны. Не верил в предчувствия и знаки. Он был человеком дела, человеком земли, человеком, который верил только в то, что можно потрогать, взвесить, продать.

Но сейчас, глядя на Хатидже, он почувствовал смутное, глухое беспокойство. Как будто где-то в глубине его дома, в самом его основании, появилась трещина. Маленькая, незаметная. Но она была.

— Хочешь воды? — спросил он, чтобы отогнать это чувство.

— Хочу, — кивнула она.

Он встал, подошёл к графину, налил воду в стакан. Руки у него, к его собственному удивлению, тоже слегка дрожали. Он посмотрел на них и усмехнулся про себя: стареешь, Хасан-бей. Скоро начнёшь верить в приметы.

— Вот, — он протянул ей стакан. — Пей.

Хатидже взяла воду, сделала несколько глотков. Потом подняла на него глаза — уже спокойные, но всё ещё печальные.

— Прости, — сказала она тихо. — Я тебя разбудила.

— Ничего, — ответил он, садясь на край кровати. — Ты меня напугала, если честно. Ты кричала так... Я подумал, что-то случилось.

— Случилось, — прошептала она. — Только я не знаю что.

Он помолчал. Хотел сказать что-нибудь успокаивающее, привычное, но слова не шли. Вместо них из горла вырвалось:

— Ты в последнее время сама не своя. Ходишь, как в воду опущенная. Может, к врачу?

— К какому врачу, Хасан? — она горько усмехнулась. — К психологу? Чтобы он сказал, что у меня нервы расшатались от скуки? Что мне не хватает внимания мужа, который пропадает на фабрике?

Хасан нахмурился. В её словах была правда — та правда, которую он не хотел слышать.

— Ты знала, за кого выходишь, — сказал он сухо. — Фабрика — это наша жизнь. Твоя и моя.

— Наша жизнь, — повторила Хатидже, глядя в окно. — А что, если я не знаю, где она? Что, если всё это — не моя жизнь?

Он хотел ответить резко, оборвать её, вернуть в привычное русло. Но что-то в её голосе остановило его. Что-то, что было глубже слов.

— Ложись, — сказал он мягче. — Уже поздно. Утром всё покажется иначе.

Хатидже легла, отвернувшись к стене. Хасан тоже лёг, но сон не шёл. Он лежал на спине, глядя в потолок, и слушал, как дыхание жены постепенно выравнивается.

А в голове его крутилась одна мысль.

«Смуглая девочка. Не похожа на неё. Но что-то моё».

Он вспомнил Гюльфем — светловолосую, зеленоглазую, такую непохожую ни на него, ни на Хатидже. Вспомнил слова соседки, сказанные много лет назад: «Странно, что у таких темноглазых родителей такая светлая дочь».

Тогда он отмахнулся. Теперь — не мог.

Он повернул голову и посмотрел на жену. Она спала, но и во сне лицо её было напряжённым, словно она продолжала искать кого-то в темноте.

Хасан протянул руку и осторожно коснулся её плеча. Она не проснулась, но что-то в ней расслабилось — на самую малость.

— Что с тобой происходит, Хатидже? — прошептал он в тишину. — Что ты видишь в своих снах?

Ответа не было. Только шум города за окном — далёкий, равнодушный.

Хасан закрыл глаза, но сон так и не пришёл. Вместо него пришли вопросы — тяжёлые, как камни. И один из них, самый страшный, он боялся даже произнести.

А что, если это не просто сон?

Он отогнал эту мысль. Но она вернулась.

И с этой ночи Хасан уже не мог спать спокойно. Тень сомнения — маленькая, незаметная — уже поселилась в его душе. А тени, как известно, имеют свойство расти.

Утром Хатидже забыла свой сон. Но Хасан — не забыл. Он запомнил слова жены. Запомнил её лицо. И запомнил странное чувство, которое родилось в его груди, когда он смотрел на неё, метавшуюся в темноте.

Чувство, что он теряет что-то важное. Что-то, что принадлежало ему по праву.

И это чувство было страшнее любого сна.

Глава 4

Месяц пролетел, как один выдох.

Хатидже больше не рассказывала мужу о своих снах — они приходили почти каждую ночь, тихие, настойчивые, как приливы Босфора. Смуглая девочка больше не плакала. Она просто стояла в тумане и смотрела на Хатидже глазами, в которых застыл немой вопрос. И Хатидже просыпалась с ощущением, что где-то в этом городе, среди миллионов людей, живёт человек, которому она нужна.

Но днём она убеждала себя, что это лишь игра воображения. Усталость. Возраст. Тоска по чему-то, чего она сама не могла назвать.

Хасан в эти дни был особенно молчалив. Он уходил рано, возвращался поздно, почти не разговаривал с женой. Хатидже списывала это на дела. Она не знала, что в его столе уже лежит запечатанный конверт, а в его душе — трещина, которая с каждым днём становилась всё шире.

А потом пришёл день рождения Гюльфем.

Особняк сиял. Двадцать один год — возраст, когда девушка вступает в жизнь взрослым человеком, и Хасан хотел, чтобы этот день запомнился всем. Столы ломились от яств, в саду играл оркестр, гости съезжались один за другим — уважаемые люди Бейоглу, партнёры по фабрике, родственники, друзья.

Хатидже надела платье цвета тёмного вина — подарок Хасана к прошлой годовщине. Она выглядела уставшей, но всё ещё прекрасной: седина, которую она уже не прятала, придавала ей благородство, а печаль в глазах — глубину, которую замечали немногие.

Гюльфем была в белом. Светлые волосы уложены в мягкие волны, на шее — подарок отца, тонкая цепочка с бриллиантовой подвеской. Она улыбалась, принимала поздравления, кружилась в танце, и Хатидже, глядя на неё, чувствовала странную смесь любви и тоски.

Двадцать один год, думала она. Двадцать один год я растила её. А сегодня... сегодня она мне снилась не она.

Она отогнала эту мысль. Не сейчас. Не здесь.

Когда гости расселись за столом и Хасан поднял бокал, чтобы произнести тост, в зале стало тихо. Все ждали слов отца.

Хасан встал. Он был в тёмном костюме, седые виски тщательно уложены, лицо — спокойное. Слишком спокойное. Хатидже, знавшая его двадцать лет, почувствовала неладное. Что-то в его позе, в том, как он держал бокал, в том, как смотрел — не на гостей, а куда-то мимо них, — было не так.

— Дорогие друзья, — начал он, и голос его был ровным, как поверхность застывшего воска. — Сегодня моей дочери Гюльфем исполняется двадцать один год. Двадцать один год — это много. Это целая жизнь.

Гости заулыбались, закивали. Гюльфем смущённо опустила глаза.

— Двадцать один год я растил её. Двадцать один год я верил, что она — моя плоть и кровь. Что она — продолжение меня.

Пауза. Хатидже нахмурилась. Что-то в его словах было неправильное — какая-то трещина, которая зияла между строк.

— Но сегодня я должен сказать правду, — продолжил Хасан, и улыбка на его лице стала похожа на оскал. — Правду, которую скрывали от меня двадцать один год.

Зал замер. Кто-то поставил бокал на стол — слишком громко, слишком резко.

Хасан достал из внутреннего кармана пиджака конверт. Белый, плотный, с логотипом медицинского центра. Он положил его на стол — медленно, так, словно клал камень на могилу.

— Здесь результаты ДНК-теста, — сказал он. — Теста, который я сделал втайне. Теста, который разрушил мою жизнь.

Хатидже почувствовала, как кровь отливает от лица. Руки её, лежавшие на столе, начали дрожать.

— Хасан, — прошептала она. — Что ты делаешь?

Он не посмотрел на неё. Он смотрел на Гюльфем — и в его глазах была боль, такая глубокая, что, казалось, она могла затопить весь зал.

— Гюльфем, — произнёс он. — Ты не моя дочь.

Тишина была такой плотной, что Хатидже слышала, как бьётся её собственное сердце.

Гюльфем побледнела. Вилка, которую она держала, выскользнула из пальцев и упала на тарелку с глухим стуком.

— Что... — прошептала она. — Папа, что ты говоришь?

— Я говорю правду, — сказал Хасан, и голос его дрогнул — впервые за всё время. — Я не твой отец. И твою мать... твою мать мне изменяла. Двадцать один год назад. С кем-то. С кем-то, кто дал тебе эти светлые волосы. Эти зелёные глаза. Эту кровь, которая не имеет ничего общего с моей.

Он повернулся к Хатидже. И в этот момент она увидела в его глазах не гнев, не ненависть — а муку. Муку человека, который любит и не может простить.

— Хатидже, — произнёс он, и её имя прозвучало как приговор. — Ты мне изменяла. Ты родила от другого. Двадцать один год ты лгала мне. Двадцать один год ты жила в моём доме, ела мой хлеб, спала в моей постели — и всё это время ты знала.

— Нет! — Хатидже вскочила, и стул с грохотом отлетел назад. — Нет, Хасан! Я никогда тебе не изменяла! Никогда!

— ДНК не врёт! — рявкнул он, и в голосе его наконец прорвалась ярость. — Наука не врёт, Хатидже! Я не отец этой девочки! А ты — единственная, кто мог это знать!

— Я не знала! — Она схватилась за край стола, чтобы не упасть. — Клянусь тебе, Хасан, я не знала! Я не понимаю, как это возможно! Я не понимаю!

— Не понимаешь? — Он рассмеялся — страшно, пусто. — Ты не понимаешь, от кого родила дочь? Ты не понимаешь, кто был в твоей постели?

Гости сидели, опустив глаза. Кто-то шептался. Кто-то встал и вышел. Воздух в зале стал тяжёлым, как перед грозой.

— Хасан, — Хатидже сделала шаг к нему, протянула руку. — Пожалуйста. Пожалуйста, выслушай меня.

— Я выслушал тебя двадцать один год назад, — сказал он холодно. — Когда ты сказала, что беременна. Я поверил тебе. Я дал этой девочке своё имя. Я любил её. Я любил её, как свою! А теперь...

Он замолчал. Горло его сжалось.

Гюльфем сидела неподвижно, как статуя. Слёзы текли по её щекам, но она не вытирала их. Она смотрела на отца — на человека, который учил её кататься на велосипеде, который приходил на все школьные праздники, который гордился ею больше всего на свете, — и не узнавала его.

— Папа, — прошептала она. — Папа, скажи, что это неправда. Скажи, что ты пошутил. Пожалуйста.

Хасан посмотрел на неё. И в этом взгляде было столько боли, что даже Хатидже почувствовала её — физически, как удар в грудь.

— Я не могу, — сказал он тихо. — Я не могу сказать, что это неправда. Я хочу. Господи, как я хочу. Но я не могу.

— Хасан, — Хатидже подошла ближе, — посмотри на меня. Посмотри мне в глаза. Я никогда, ни разу за двадцать один год, не изменила тебе. Ни с кем. Никогда.

Он посмотрел. Долго, пристально. И в его глазах что-то дрогнуло — маленькая трещина сомнения, которая уже жила в нём.

— Тогда объясни, — сказал он. — Объясни, как это возможно.

— Я не знаю, — прошептала она. — Но я найду ответ. Клянусь тебе, я найду.

— Слишком поздно, — сказал он. И это прозвучало окончательно.

Он повернулся к Гюльфем.

— Собирай вещи, — сказал он. — Ты больше не живёшь в этом доме.

Гюльфем вскрикнула — так, словно её ударили.

— Папа! — Она бросилась к нему, схватила за руку. — Папа, пожалуйста! Не выгоняй меня! Я не виновата! Я ничего не знала! Папа!

Он отвёл руку. Медленно, но решительно. И это движение — прочь, от себя — было страшнее любых слов.

— Я не твой отец, — сказал он. — Не называй меня так.

Гюльфем упала на колени. Хатидже бросилась к ней, обняла, прижала к себе.

— Гюльфем, доченька, — шептала она, гладя её по волосам. — Всё будет хорошо. Слышишь? Всё будет хорошо.

— Мама, — рыдала Гюльфем. — Мама, что происходит? Почему он так? Почему?

Хатидже подняла глаза на Хасана. В них была не ненависть. Не гнев. Только бесконечная, глухая боль.

— Хасан, — сказала она тихо. — Ты можешь выгнать меня. Можешь ненавидеть меня. Но не её. Она ни в чём не виновата. Она — твоя дочь. Ты растил её. Ты любил её. Она не перестала быть твоей дочерью только потому, что какой-то тест сказал тебе...

— Довольно! — закричал он. — Довольно! Уходите. Обе. Сейчас же.

Особняк опустел. Гости разошлись, кто-то сочувственно кивая, кто-то отводя глаза. Официанты убирали со столов, и звон посуды казался кошунственным в этой тишине.

Хатидже стояла в спальне, которую делила с Хасаном двадцать один год. Она собирала вещи — медленно, механически, словно во сне. Гюльфем была в своей комнате, за стеной, и Хатидже слышала, как она плачет.

Хасан вошёл. Остановился в дверях. Смотрел.

— Ты могла бы сказать правду, — произнёс он. — Столько лет назад.

— Правду, — Хатидже повернулась к нему. — Какую правду, Хасан? Я не знаю правды. Я знаю только, что любила тебя. Что была тебе верна. Что родила тебе дочь — или думала, что тебе.

— Думала, — повторил он горько. — Думала.

— Ты не хочешь слышать меня, — сказала она, и голос её был ровным, как никогда. — Ты уже решил. Ты решил, что я виновна. Так зачем тебе мои слова?

Он молчал. А потом сказал — тихо, почти шёпотом:

— Я любил тебя. Больше всего на свете. И сейчас... сейчас я не знаю, что чувствую. Пустота. Только пустота.

Хатидже застегнула чемодан. Подошла к нему. Остановилась в шаге.

— Хасан, — сказала она. — Я найду правду. Не для тебя. Для себя. И для Гюльфем. Потому что она заслуживает знать, кто она.

Он не ответил. Она вышла.

В коридоре её ждала Гюльфем — бледная, с красными глазами, с чемоданом в руке.

— Мама, — прошептала она. — Куда мы пойдём?

Хатидже обняла её.

— Не знаю, — сказала она честно. — Но мы справимся. Вдвоём. Слышишь? Вдвоём.

Они вышли из особняка под холодный ноябрьский дождь. За их спинами закрылась дверь — тяжёлая, дубовая, та, которую Хатидже открывала двадцать один год.

А в доме остался Хасан. Один. С конвертом на столе, с пустотой в груди и с мыслью, которая не давала ему покоя:

А что, если она не виновата?

Но было слишком поздно. Слова сказаны. Дочь выгнана. Жена ушла.

И в этом доме, который ещё утром был полон смеха и музыки, теперь жила только тишина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.